

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РУКОПИСИ С ЯЗЫКОВЕДЧЕСКОЙ ТЕМАТИКОЙ В ДРЕВНЕХРАНИЛИЩЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА

Мысль В. И. Малышева о том, что по-иски древнерусских рукописей научно необходимы¹, получила неоспоримое подтверждение в сложении нового богатого рукописного фонда.

В результате тщательных более чем тридцатилетних археографических разысканий самого инициатора этого дела и всех тех, кого он вдохновил своим редким талантом собирателя и проникновенным восприятием русской старины (среди участников поисковых экспедиций — сотрудники сектора древнерусской литературы ИРЛИ, преподаватели и студенты ЛГУ, научные работники иных институтов и учреждений), в Пушкинском доме теперь сосредоточено свыше 4500 рукописей (XII—XIX вв.). По ним (как и по рукописям других хранилищ) учеными разных специальностей уже исследуется рукописное наследие древней Руси.

Значение собранных в ИРЛИ материалов для лингвистики трудно переоценить. В этом обзоре будут рассмотрены лишь рукописи с языковедческой тематикой, но интересы лингвиста, понятно, выходят далеко за пределы избранного аспекта.

Привлекают внимание три общих и вместе с тем специфических черты собранных в ИРЛИ материалов:

1. Рукописи Пушкинского дома в основном представляют собой традицию Севера², в них отчетливо проявились черты севернорусских говоров³.

2. Коллекции ИРЛИ по преимуществу состоят из книг, которые хранились у крестьян (найжены даже личные и родовые

крестьянские библиотеки), в них запечатлелась письменная культура севернорусского крестьянства⁴; среда бытования рукописных книг отразилась и на их облике (они проще, беднее монастырских кодексов) и на их содержании (сказалась в отборе текстов, в характере копирования, в создании новых памятников, в записях и приписках владельцев); отсюда ясно, что эти рукописи — ценный источник по изучению и литературного и обиходного языка XVI—XIX вв. в том виде, в каком он был представлен в северных областях.

3. Среди рукописей ИРЛИ очень большое, если не сказать подавляющее, число списков относится к XVII в. — недвусмысленное свидетельство того, насколько сильна была еще в ту пору рукописная традиция; изучение языка XVIII в. без обследования рукописных источников, наиболее непосредственно отразивших демократические тенденции, не может быть научно достоверным.

Переходя к рассмотрению собственно лингвистических сочинений, отметим сказание «О письменах» черноризца Храбра. Здесь оно в поздних списках (рпк. XVII в. Усть-Цилем. № 15, рпк. XVIII в. Мезенск. № 14), но и они важны, так как помогают установить хронологический предел, до которого этот древний болгарский памятник⁵ переписывался у нас и читался, не став еще лишь объектом научного анализа. Две переработки этого сказания оказались в собр. В. Н. Перетца⁶. Одна из них — в сборнике слов

¹ В. И. М а л ы ш е в, Исследования и разыскания по литературному наследию древней Руси, Автореф. докт. диссерт., Л., 1967, стр. 3.

² В научный обиход введены собрания: Гуслицкое, Карельское, Керженское, Красноборское, Новгородско-Псковское, Печерское (последнее в свою очередь делится на Усть-Цилемское, Верхнепечерское, Нарьян-Марские рукописи, Усть-Цилемское новое), Пинежское, Причудское и Северодвинское.

³ См.: В. И. М а л ы ш е в, Древнерусские рукописи Пушкинского дома, М.—Л., 1935, стр. 4 и сл.

⁴ В. И. М а л ы ш е в, Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского дома, «Русская литература», 1966, 2; 1967, 1; 1968, 2; 1969, 2.

⁵ Публикацию см.: К у й о М. К у е в, Черноризец Храбр, София, 1967, стр. 381—384, 388. Изданы тексты из Мезенского собрания, № 14 и Печерского (Усть-Цилемского), № 15.

⁶ Помимо северных собраний, в древнехранилище ИРЛИ входит целый ряд именных коллекций: И. С. Абрамова, Е. Ф. Будде, К. П. Гемп, В. Ф. Груздева, В. Г. Зыкина, С. Г. Евсева,

и поучений 1698 г. (Пер. № 143); здесь сказание дано под заглавием, обозначающим его как чтение в день смерти Константина — Кирилла. За ним следует статья «О грамоте», касающаяся греческого алфавита. Список опубликован и исследован В. Ф. Марешем⁷. Другая переработка — в азбучовнике XVII в. (Пер. № 105) под тем же заглавием, но без похвалы князю Владимиру и без эпизода с русином, сочинившим в Корсуне письмена; здесь сказание сочетается с летописной повестью (о расселении славян по Дунаю и о происхождении наименований *русь, поляне* и др.). Самый поздний список сочинения Храбра оказался в учебной азбуке последней трети XIX в. (Р IV, оп. 23 № 2).

Достойное место в собраниях ИРЛИ занимают словари и грамматики. В науке давно определилось мнение о большой важности для филологии в целом и в первую очередь для языкознания изучения особого жанра древнерусской научной литературы, который назван азбучовниками, или алфавитами. Древнерусские словари вообще и азбучовники в частности содержат ценнейшие языковые материалы.

Сделанные в духе больших объединительных предприятий XVI в. (Никоновская летопись или же не менее пространное собрание литературных текстов — Макарьевские Великие мшени-четы), азбучовники были в течение долгого времени популярны среди различных слоев населения, в том числе посадского люда. Они дошли до нас во многих списках, полный учет и текстологический анализ которых еще предстоит. Начать подобную работу на научных основаниях до недавнего времени мы не могли, так как не знали детально словарных работ, которые предшествовали азбучовнику, не знали языковой и общественной ситуации их возникновения. Азбучовники вошли в себя словари предшествующего периода. В каком-то смысле в них нашла отражение вся история русской средневековой лексикографии.

Ф. А. Каликина, Муравьевых, В. Н. Перетца (особенно ценное и богатое языковедческими рукописями собрание, всего в нем 657 единиц хранения), Н. С. Плотников, И. М. Пухальского, И. А. Смирнова, Ф. В. Тумилевича, М. И. Успенского, Хвостовых и др., а также отдельные поступления и рукописи из фондов ИРЛИ АН СССР и ИМЛИ АН СССР, переданные во вновь образованный центр хранения древнего рукописного наследия.

⁷ В. Ф. Мареш, Сказание о славянской письменности (по списку Пушкинского дома АН СССР), «Труды Отдела древнерусской литературы», XIX, М.—Л., 1963.

Собрания Пушкинского дома существенно пополняют данные об азбучовниках: пять новых списков XVII—XVIII вв., фрагмент из азбучовника XVIII в. (Пинеж. № 394) и любопытные выписки из азбучовника, сделанные в XX в. (Калик. № 88). Азбучовники из собр. В. Н. Перетца № 87 и № 105 XVII в. и из Карельского собр. № 2 XVII в. принадлежат к числу тех списков пространного азбучовника, которые получили наиболее широкое распространение⁸. В предисловиях к этой разновидности азбучовника в качестве одного из основных истолкователей слов назван Максим Грек. Наиболее точно воспроизведен названный тип текста в азбучовнике Пер. № 105⁹, но в нем в числе сопутствующих словарному своду статей, кроме отрывка из «Речи тонкословия греческого» (разговорник XV в.) и отрывка из словаря «Сказание речемъ недоведомым» (XVI в.), даны выписки толкований к «Деяниям апостолов» и к тексту псалтыри, среди них и объяснения слов словарного типа (*маранафа сии несть, яко ж нецыи непцеваши, еврейския, но сирьския беседы, толкует же ся господь прииде*). Именно из таких толкований составлялись самые древние из наших словарей¹⁰.

Азбучовники Карел. № 2 и Пер. № 87 имеют уже заметную переработку текста и самого словарного свода¹¹. Разительные перемены в этом отношении находим в четвертом азбучовнике из собраний Пушкинского дома — Пер. № 170, помещенном в сборнике начала XVIII в. Это редкий список, где имя Максима Грека упомянуто не в предисловии, а в самом заглавии словаря («Толкование преподобного отца нашего Максима Грека, внока горы Синаискя») ¹². Словарный

⁸ В книге А. В. Пруссак («Описание азбучовников, хранящихся в рукописном отделении имп. публичной библиотеки», Пг., 1915) этот тип азбучовника выделен в первую группу; ее возглавляет азбучовник из собр. М. П. Погодина № 1145, известный в научной литературе.

⁹ Азбучовник ИРЛИ Пер. № 105 близок к азбучовнику ГПБ Погод. № 1145 не только в составе словарного свода, но совпадает с ним и в большей части статей, окружающих свод.

¹⁰ См.: Л. С. Ко в т у н, Русская лексикография эпохи средневековья, М.—Л., 1963, стр. 10—215.

¹¹ Если обратиться к спискам азбучовников Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, то новые тексты ближе всего примыкают к азбучовникам ГПБ XVI № 2 и ГПБ Эрм. № 213.

¹² Пока известен лишь азбучовник ГПБ Погод. 1145 начала XVII в., где также в самом заголовке сказано: «Превод Максима Грека».

свод его своеобразен. Сравнение его со словарем азбуконника Пер. № 105 всего на одну букву (В) показало, что соответствуют в них только 26 статей (в азбуконнике Пер. № 170 из 48, в азбуконнике Пер. № 105 из 87), а буквально совпадает всего четыре статьи. Вместе с тем в азбуконнике Пер. № 170 есть и случаи развития толкований (например, азбуконник Пер. № 105 *броня, пансырь*; азбуконник Пер. № 170 *броня, латы или пансырь*; азбуконник № 105 *блядивыи, лжывыи*; азбуконник Пер. № 170 *блядивыи, лжывыи или ложь с лестию смешав глаголюи*), а 11 статей добавлено (среди них: *бдите, сну не вдаивается; былование, травами врачевание; бедныя, бедныя наричет сухорукыя и рук не имущия; баскаки, дети боярские, посылаются на приказ*; указано, что последнее слово татарское).

Очень ценен список азбуконника в сборнике XVIII в. Верхненецкого собр. № 4. Здесь под названием «Начало букв, в них же толкует неудобь разумеваемая речи» оказался краткий азбуконник, сохраняющий более архаический состав, чем азбуконники пространные¹³. Таким образом, поздний список XVIII в. дает возможность пополнить сведения о начальном этапе сложения азбуконника (середина XVI в.).

Возникший в результате активизации в XVI в. переводческих и исправительских работ, которая в свою очередь была вызвана языковой и общественной ситуацией эпохи, азбуконник не может быть приписан какому-нибудь отдельному лицу или группе лиц. Собрание и объяснение словарных материалов оказалось в ряду повседневных и насущно необходимых занятий русских книжников.

Представляется существенным разяснение и учет всех списков азбуконников, а также составление аннотированного перечня их. О создании такого сводного каталога азбуконников, или своего рода путеводителя по библиотекам, где находятся хотя бы важнейшие из них, справедливо говорит М. П. Алексеев. Он считает эту задачу «делом первой необходимости»¹⁴.

Помимо азбуконников, в собраниях ИРЛИ есть несколько списков словарей древнего периода. Словарь в лестнице Иоанна Синайского «Толкование неудобь познаваемымъ речемъ» (XIV—XV вв.) найден в лестнице середины XVI в. (Пер. № 40) и в сборнике XVIII в. (Верхнепечер. № 4). Оба списка принадлежат

ко второй группе II редакции словаря¹⁵. Словарь к псалтыри «Толк о неразумных словесех» оказался в соборной рукописи XVIII в. (Усть-Цилем. № 15) и имеет здесь наиболее полное название: «Толкование о неразумных словесех псалтырных»¹⁶. Это весьма архаический тип словаря, но дошел он до нас лишь в списках XVI—XVII в.¹⁷. Богат словарными материалами сборник второй половины XVII в. из Пинежского собр. № 197¹⁸.

В мировой науке все более возрастает интерес к изучению разговорной речи. Важность исторического аспекта этой широкой темы не может вызывать сомнений. Исследования Б. А. Ларина показали ценность данных, которые содержатся в словарях-разговорниках¹⁹. Изучением русских разговорников занят М. П. Алексеев²⁰, а также зарубежные ученые: Б. Унбегаун и И. Симонс (Англия), Р. Янбосон (США), Х. Соренсен, Л. Хаммерих (Дания), С. Люнден (Норвегия), П. Иогансон, Э. Гюнтер (ГДР).

Среди отдельных поступлений рукописного хранилища ИРЛИ — русско-скандинавский разговорник (ОП. оп. 24, № 5). Словарь находится в сборнике середины XVIII в., который написан несколькими почерками. Той же скорописью написан еще всего один текст: разговор прусского короля с фельдмаршалом Венделем 31 июля 1759 г. Содержание словарика (в нем не больше 200 слов и выражений) чисто бытовое. Материал расположен тематически, но без строгого порядка. Совершенно ясно,

¹⁵ Текстологический анализ списков словаря к лестнице см. в кн.: Л. С. К о в т у н, Русская лексикография эпохи средневековья, стр. 228—237.

¹⁶ Так же лишь в рукописи ГПБ Сол. 858 (748) и в печатной следованной псалтыри 1641 г., в остальных известных нам списках в заголовке словаря не сказано, к какому тексту он был составлен.

¹⁷ См.: Л. С. К о в т у н, Русская лексикография эпохи средневековья, стр. 183—188.

¹⁸ Полный состав сборника приведен в статье: Г. Я. С я м и н а, Э. М. Ш у с т о р о в и ч, Описание Пинежского собрания рукописей, хранящихся в кабинете русского языка Ленинградского университета, «Вестник ЛГУ», 20, Серия истории, языка и литературы, 4, 1966, стр. 134.

¹⁹ Б. А. Л а р и н, Парижский «словарь московитов» 1586 г., Рига, 1948; его же, Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619), Л., 1959. См. также его статьи более раннего времени.

²⁰ М. П. А л е к с е е в, Словари иностранных слов в русском азбуконнике XVII в.; см. также его статьи более раннего времени.

¹³ В собраниях ГПБ, где несколько десятков азбуконников, ему соответствуют редкие списки: ГПБ Погод. 1143, О.Х.VI, 1, Погод. 1648.

¹⁴ М. П. А л е к с е е в, Словари иностранных слов в русском азбуконнике XVII в., Л., 1968, стр. 10.

что словарь составлен для себя и темы возникали по потребности (наименования лиц по профессии и родству, названия деревьев, периоды — в пределах дня, года, названия частей тела, одежды и т. д.). Разговорные фразы относятся к купле-продаже, дан и рассказ о куще, которого обокрали в дороге, а также формулы приветствий и прощания. Приведем в качестве примера группу названий одежды: *каван, камзол, фуфайка, портки, рубашка, шуба, шапка, колпак, шляпа, епанча, чулки, сапоги, башмаки, пряжка, перчатки, запанки, ленты шелковые*.

К числу более поздних словарей относится русско-estoский словарь (частью на немецком языке) XIX в. из собр. М. И. Успенского № 46. Он находится при немецких переводах для некоего Пента. Словник его любопытен: по отношению к литературным нормам нашего времени здесь много слов либо устарелых (и вовсе вышедших из употребления), либо просторечных. Ср.: *повядание, равноденник, падушник, запечник, заплутаться, запрягание, вопиять, цаминать, мелкопоместье, примучить, прозבלый, передошлый, прокуда, сусляк* и т. д. Анализ материалов может способствовать уяснению изменений, происшедших в активном и пассивном запасах слов за последнее столетие.

Отметим еще два лексикона: 1) в сборнике сочинений Н. П. Григоровского XIX в. (из собр. П. С. Богословского № 61) — oстяцкий словарь, здесь же поэтические тексты и сравнение языков пенецкого и oстяцкого; 2) двойной лист из ученической тетради XVIII в., где среди других текстов (таблица умножения, отрывок из церковной службы) — русско-немецкий словарь (немецкие слова написаны русскими буквами).

Обзор материалов по грамматике вернее всего начать со статей, которые помещались в сборниках грамматического содержания и грамматических азбуковниках (рукописные книги, в которых основные направления языковедческого анализа еще не разделились, — существенный признак их архаики).

Тип грамматических азбуковников среди рукописей ИРЛИ представлен в книге под шифром Пер. № 105, о которой уже шла речь. В ней и перед словарным сводом, и после него идут статьи по грамматике, орфографии, системе ударений. Они озаглавлены: «Книга, глаголемая буквы», «Сказание о десяти просодиях», «А се осмочастные от грамматикия», «О тонкогласных и дебелогласных», «О еже каяждо просодия достоин писати и глаголати», «Се четверогласие во единых лежашее», «О етимологии», «Буквы неисследованнаго разума имен», «От святаго Иоанна Дамаскина о осми частех слова вкратце понужная избрана зде», наконец, сочинение о десяти силах гре-

ческих (типах ударения), которое дано без названия. Начинается со слов: «еллини 10 сил полагают верху складов писмных».

Статьи эти относятся к разным периодам, однако исторически расслоить их пока невозможно. Неудовлетворение состоянием наших знаний о последовательности развития грамматических учений высказано в книге Я. С. Лурье: «История языкознания в древней Руси совершенно не исследована, — пишет автор. — Ряд памятников древнерусского языкознания („различные статьи грамматического содержания“, включающие „литорею в квадратах“ из „Лаодикийского послания“, перевод грамматического трактата „Донатус“, грамматические сочинения Максима Грека) был издан И. В. Ягичем, но материал этот так, в сущности, и остался неразобранным»²¹. «Совершенно игнорирует „различные статьи грамматического содержания“ в своей недавно опубликованной книжке П. С. Кузнецов: от „Осьми частей слова“ псевдо-Дамаскина он непосредственно переходит к переводу „Донатуса“»²². Между тем «Донатус» «лишь с начала XVI в. присоединился к „запасу пестрых грамматических статей“, распространявшемуся, судя по довольно многочисленным рукописным сборникам, в течение XV, XVI и XVII столетий»²³ (по словам И. В. Ягича). Есть, например, основания отнести к более раннему периоду (до «Донатуса») сочинения «Книга, глаголемая буквы» и «Сказание о грамоте»²⁴ (в наших собраниях: Пер. № 105 и Пер. № 143).

Грамматические сочинения XVII и XVIII вв. представлены в рукописях ИРЛИ в виде учебников и трактатов: Мелетий Смотрицкий «Грамматика» 1648 г. ркп. XVIII в. (Оп. оп. 23, № 84); «Синтагмы и синтаксисмы» — учебник Киево-Могилянской коллегии (с добавлением на русском и латинском языках, 1736 г. (Пер. № 221); «Язык» (перевод с французского С. Волчкова), 1746 г. (Пер. № 279); «Грамматический разум» (предисловие грамматик) в ркп. XVIII в. (Карел. № 32) и ркп. XIX в. (Керженц. № 17); «Учение о языке» (синтаксис, стилистика), ркп. XIX в. (Пер. № 531). К этому прибавим статьи и книги о греческом и латинском языках: греческий и латинский алфавиты в составе сборника 1649 г. (ИМЛИ, № 3); в том же сборнике «Литорская азбука» (образцы тайнописи); «Грамматика латинского языка» (с упражнениями) на латинском и русском

²¹ Я. С. Лурье, Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века, М. — Л., 1960, стр. 198, 199.

²² Там же, стр. 199 (примеч.)

²³ Там же.

²⁴ См. там же.

языках 1713 г. (Пер. № 409); Сборник школьных упражнений на латинском и французском языках 1716 г. (Оп. оп. 23, № 136); «Морфология греческого языка» Симона Тодорского (копия с издания: Киев, 1738) на латинском языке, ркп. XVIII в. (Пер. № 253); «О частях речи» на латинском языке, ркп. XVIII в. (Пер. № 261); «Рассуждение (школьное) о звуках в языке» на латинском языке, ркп. XIX в. (Пер. № 578).

Оставляя до другого случая обзор рукописей по стилистике, т. е. риторики и поэтики²⁵, а также ценные данные, связанные с переводческой деятельностью и обучением иностранным языкам, остановимся в заключение на текстах, которые занимают в северных собраниях, в силу их крестьянского характера, заметное место. Это книги начального обучения грамоте — азбуки (учебные, начальные, прописи) и буквари. Большое внимание таким материалам уделил В. Н. Перетц. К XVIII—XIX вв. относятся азбуки Пер. № 344, 478, 484, 497, 534, соч. «По азбуке» Пер. № 351, азбуки Мезен. № 14, 46, Пинеж. №№ 27, 137, 419, Карел. №№ 76, 97, 98, 99, Причудск. №№ 29, 42, Верхнепечер. №№ 44, 45, 110, азбука

²⁵ Риторик и поэтик в собраниях ИРЛИ много, особенно в коллекции В. Н. Перетца, отличающейся редкой целеустремленностью собирателя; попадают они и в северных собраниях. Назовем здесь: «Риторика» (поморская), ркп. XVIII в., Усть-Цилем. № 23, «Риторическая рука», ркп. XVIII в., Усть-Цилем. № 29, 36; этот текст есть и в собрании В. Н. Перетца № 190.

(пропись) 1752 г. Оп. оп. 23, № 1 (написана «мастером» села Иванова дьяконом Федором Ивановым), азбука В. Бурцева 1770 г. (копия с издания: М., 1637) с миниатюрой в красках (училище) (Пер. № 377), азбука-пропись («Данилова азбука») 1774 г. (Буд. № 12), азбука учебная (копия с супрасльского издания 1781 г.), две трети листов рукописные, написаны в последней трети XIX в., букварь 1701 г. («Сократ учения христианского») новгородского митрополита Иова (Пинеж. № 113), первое учение отрокам (начальная грамота), ркп. XVIII в. (Пер. № 336), «Наказание учителям, как учить детей грамоте», Верхнепечер. ркп. XIX в. №№ 4, 23 и ркп. XX в. № 33, «Рассуждение о распространении грамотности среди крестьян, прежде чем разрешить им владеть недвижимым имуществом», ркп. XVIII в. (Пер. № 453), «Специальный разговор о необходимости образования городским сословиям» Н. Анашкина 1850 г. (Пер. № 633).

Нельзя не видеть значения этих источников для истории народного образования.

Итак, новый фонд древних рукописей ценен для лингвистики. Его не могут теперь обойти специалисты, занятые историей звуков и букв, а также грамматисты, лексикологи, стилисты. К нему обратятся знатоки по теории и практике перевода и филологи, которых интересуют проблемы обучения языку, родному и иностранным. Перед нами — материалы, впервые введенные в научный обиход, еще не тронутые научным анализом.

Л. С. Ковтун